

Марчелло Ротман

О друзьях писать трудно, но надо. Особенно если они друзья не только тебе, а всем. Сейчас уж и не упомнить, как давно меня связывают добрые отношения с сентиментальным Мишей, добрейшим до наивности Ромой и благородным, светлой памяти Витей. Я приезжал к ним в Одессу, а они о Москве тогда и мечтать не пробовали. Вместе с гениальным одесским КВНом собиралась шумная, озорная, весело гулявшая орава. Как прекрасно это было, как светло начиналось! Но не так уж и просто. Были ликования, были и огорчения, даже страдания. Вот я и попросил заслуженного артиста России Романа Андреевича Карцева вспомнить для «ВК», как все начиналось.

щего, исполнявшего в греческой тунике этот танец на глубоком серьезе. Ну ладно я по природе неприлично смешлив. Но ведь и остальные хохотали до слез. И Райкин хохотал (что бывало нечасто).

Витю полюбили в театре. В том числе я — на всю жизнь.

— А как вам жилось? Вы же получали копейки.

— Ну, положим, не копейки, а рубли. Но действительно самую низшую зарплату в стране. И все же, знаешь, нам хватало. Вместе ходили в театры. Завтракали в кафе на Невском за рубль. Обедали в пирожковой на углу Желябова — пирожки с мясом и луком, бульон из кубиков, какао! А вечером стояли все свободное от работы время в кулисах и впитывали в себя Великого Артиста. Разве это не счастье?

— Что-то выпал из повествования Жванецкий...

— Миша к нам приехал в 64-м. Он все еще был сменным механиком в Одесском порту. Миша любил поесть, Витя умел варить, у меня в запасе всегда было сколько-то рублей. Я их спал от голодной смерти.

Миша писал. Мы репетировали то, что он писал. Начал накапливаться свой репертуар. Образовали первый шлягер «Авас». Всерьез все началось с него... Долго рассказывать!

были довольно много заняты в этом спектакле, автором нас.

Ничего не предвещало бурю.

— Но она грянула. И, насколько мне известно, со стороны Райкина.

— Это был Великий Артист. Он был готов принять нас «в целом». Но мы, люди из следующего поколения, глубоко чувствующие стиль Жванецкого, на репетициях «Светофора» были просто обескуражены режиссерским, мягко говоря, непониманием автора.

На одной репетиции зазвучал голос шефа: «И вы думаете, это смешно?». Пока Витя думал, я сказал: «Да!». Шеф сказал: «И вам кажется, что вы понимаете в юморе больше меня?». Я сказал: «В данном случае — да!». Была большая пауза. Она затянулась на два года, потому что не успели Миша и Витя набрать воздух в легкие, а я уже уволился. И уехал в Одессу. И даже Витя не смог меня остановить. В отличие от него я сначала делаю, потом думаю.

— Неужели ты не затосковал?

— Что ты, еще как! Очень скоро написал письмо Райкину с просьбой принять меня обратно. Он не соглашался, однако актеры его уговаривали. После моего возвращения в театр был уволен Миша. За чтение своих произведений, входивших в репертуар театра. Аркадий Исаакович не понял, что Миша свои тексты читал с детства на всех вечеринках «Парнаса», на встречах со зрителями, с артистами. Как только появлялся на коленях портфельчик, все затихало, а Миша читал.

Кто думает, что Миша писал тексты для Райкина или для нас, тот ошибается. То есть подсознательно Жванецкий имел в виду нас, но не это было для него главным. Главным были идея, форма, содержание. Для него не имело значения, сколько исполнителей — один, два, три. Главное — это мысль и краткость изложения.

Знал бы ты, как трудно учить его тексты! Какая нужна точность понимания его ритма, паузы, иронии. Надо ли объяснять, что у Миши своя неповторимая стилистика, требующая соответствующей стилистики исполнения. Не сойти за наглость, но того же «Аваса» мы делали лучше, чем сам Райкин. Мы пилим рядом с гигантом Райкиным, но он был из другой стилистики, из другого поколения.

— Можешь меня не убеждать в гениальности Райкина.

— Но он действительно был гениален. А мы — совсем не гениальны. Просто другие. В общем, вскоре вслед за Мишей уволились из театра мы. По-моему, до той поры из этого театра никто не уходил по собственному желанию.

— И...
— И основали свой театр. Как говорится, на троих. Но это уже совсем другой рассказ. Ты ведь спросил — как все это начиналось?

Гостя принимал
Эдуард ГРАФОВ.

Фото
Алексея БЕЛАНЧЕВА.

— Может, еще рано за мемуары. Но все же 30 лет зрители с восторгом приветствовали Жванецкого, Карцева и Ильченко. Интересно, как вы встретились? Расскажи.

— Насчет восторгов. Они были не всегда, не везде и не от всех. Что касается 30 лет, то это началось гораздо раньше. Когда страну постигла эпидемия. Нет, холера была позже. А тогда — эпидемия под названием СТЭМ. Студенты Москвы, Ленинграда, Киева, Челябинска, Риги заболели студенческими театрами эстрадных миниатюр. Захворала и Одесса. «Парнас-2» возглавляли любимцы публики Михаил Жванецкий и Виктор Ильченко. На сцене — превосходная пара. А я в то время вкалывал — в течение шести лет — наладчиком на швейной фабрике.

— Кстати, ты никогда не говорил мне, что твой отец был профессиональным футболистом. Я вычитал это в книге «Кто есть кто».

— И не просто футболистом, а одним из ведущих игроков сборной Одессы! Андрей Карцев играл рядом с самим Злотом — Александром Злочевским, который был одесским Бобровым, одесским Стрельцовым. Моя мама, коммунистка-активистка и стахановка, не без осуждения говорила: «Наш папа — самый грязный в команде». Естественно, он был опорным полузащитником, выполнял огромный объем игровой работы и к концу каждого матча, особенно с дождем, вываливался в грязи с головы до пят.

— А еще я вычитал в «Кто есть кто», что ты окончил Институт инженеров морского флота и — заочно — ГИТИС!.. Так что, простого советского наладчика так запросто пригласили в прославленный творческий коллектив?

Роман КАРЦЕВ:

"От Райкина" по собственному не уходил никто. Кроме нас"

— Попрошу не ухмыляться по адресу коллектива. Он уже был к той поре любимцем Одессы и еще половины европейской части будущего СНГ. До Москвы, правда, еще не добрались. Зато их уже знал Аркадий Райкин.

— Как же тебя встретили Жванецкий и Ильченко?

— Жванецкий — хладнокровно. Ильченко — вообще никак. Он уже ушел из «Парнаса-2» и основал свой театр. Между прочим, там он поставил очень неплохой спектакль по Чапеку «Как это делается».

— А я-то думал, ваше «трио» прямо раз — и сложилось!

— Индюк тоже думал. А я, например, отправился в Москву поступать в цирковое училище, полагая о себе как о крупном акробате. Провалялся с трюкотом.

— Какой-то ты всю жизнь незадачливый...

— Я всегда ценил твою проницательность. А вот Аркадий Исаакович Райкин в отличие от тебя отнесся ко мне благосклонно. Будучи в Одессе, он пригласил меня в свой театр. Не такой уж я незадачливый.

— Что в это время делал Жванецкий?

— То, что делает всю жизнь: писал в неимоверном количестве. Пожалуй, я в жизни не встречал другого такого человека, который бы так счастливо был поглощен

своей работой. Впрочем, «работа» тут не годится: скорее — праздник.

— А что делал в это время Ильченко?

— Знакомился со мной лично. Мы ведь долго были знакомы заочно. Отправился я, значит, на пляж. А Витя — прогуливать маленького сыночка. Случайно встретились. Витя со мною поздоровался. Сыночек его тут же укусил меня за ногу. Разговор был короткий: «Ты, говорят, у Райкина работаешь? Как к тебе относятся в театре?». «Неплохо. А ты где?». «В пароходстве, начальником отдела». «Витя, а ты не хотел бы показаться Райкину?».

Витя всегда сначала думал, потом говорил. Вот и тут он, подумав, сказал: «Попробуем». И стал артистом Райкина. С той поры мы не разлучались. Почти каждый день были вместе.

— Каково вам было у Райкина?

— Мне неплохо. А Витя в любое дело входил медленно и вдумчиво. И вызывал насмешливые улыбки в коллективе. Вскоре насмешливость перешла в хохот. Проницательный Райкин поручил Вите и Наташе Соловьевой исполнить классический дуэт на музыку Глюка. Наташа — профессиональная балерина. А Витя танцевал первый раз в жизни. Надо было видеть его, до изумления то-

25.6.94.

Карцев Роман